

# В роли Банко- Лафонтен?

*Вечерний Лексикон. — 1990. — 27 июня.*

Однажды мне довелось смотреть шекспировского «Макбета» в Праге «Театре на Забрадли». С особым чувством играли в тот вечер актеры — это был день смерти Л. И. Брежнев. Еще нельзя было назвать вещи своими именами, но зрители прекрасно понимали, о чем спектакль. Это была очень камерная история борьбы за власть внутри одной компании. У всех героев — начиная с короля и кончая Банко и Малколмом — руки были по локоть в крови, тиран сменялся тираном, и ни лучика надежды не просачивалось в этот мир палачей. Такой виделась власть в 1982 году.

Сейчас надежда появилась. Во всяком случае — для чехов. Актер «Театра на Забрадли» Бартошка, игравший тогда в «Макбете», теперь играет видную роль в правительстве Вацлава Гавела. Сегодня ему предстоит в жизни опровергнуть представление о власти, бывшие естественными для тоталитарного периода истории Чехословакии.

Тот «Макбет» вспомнился мне, когда на днях на Марининской сцене Английская национальная опера давала «Макбета» Верди. Режиссер Дэйвид Паунтин поразил нас спектаклем современным, эпическим, окунувшим шекспировский сюжет в хаос нашего столетия. Это спектакль не о королях, но о народе.

Безупречная музыкальность, артистизм — дирижер Марк Эдлер, оркестр, хор и солисты, особенно статная красавица Кристина Цисински — леди Макбет, не раз награждались бурными рукоплесканиями — лишь подчеркнули главный, политический смысл действия.

Хор в бедных, блеклых тонах костюмах обывателей то ли России, то ли Румынии. Он представлял то порабощенным, запуганным людям, то народом,

просыпавшимся для бунта, то полицейской чернью, толпящейся у трона, охраняющей властителя, участвующей в заговорах, убийствах... Хор не статичен, не безучастен, как принято в опере. Он — сама энергия, сама страсть. Благодаря хору перед нами встают картины бунта против четы Чаушеску, борьба народов Европы против тоталитаризма, развал нашей империи — с

## «Белые ночи-90»

кровавой резней, с толпами беженцев... Премьера оперы состоялась в Лондоне 5 апреля 1990 года, но авторам удалось предугадать даже события конца апреля: сцена убийства Банко в деталях совпадает с покушением на Лафонтена, взволнованным Германно этой весной. Однако реалии XX века не заслоняют обобщений режиссера, который размышляет о «приводных ремнях» власти.

Тон задает виртуозная сценография Стефано Лазаридиса: перелет нами мир, утративший цельность, потерявший опору, мир наклонных плоскостей, покосившийся, накренившийся, словно тонущий корабль, но еще увенчанный конной статуей. Кто на коне? Царь? Генералиссимус? Генсек? Это не суть важно, ибо поволья в руках другого — того, кто внизу.

Эти красивые поводыя становятся одной из важнейших метафор спектакля: ведьмы драпируют юны как знаками будущей власти костюм Макбета в сцене гадания. Потом эти вожжи алой чертой лягут у ног Макбета-короля — и тот уже не сможет вырваться из рокового круга своих злодеяний... Кровь же, которой будет заплятно прозрачное тело старика Дункана и светлый «интел-

лигентский» костюм Банко и которую пытается смыть с рук своих леди Макбет, — окажет-ся, вопреки нашим ожиданиям, не алого, а зеленого цвета. Режиссер умел избежать буквальности, мимолет образом, талантливо распоряжается пространством — и по горизонтали, и по вертикали.

Главные герои в этом спектакле никогда не остаются одни. Хор, толпа, народ и его «делегаты» — ведьмы, врач, охрана, наемные убийцы — все время зримо или незримо присутствуют. Историко творят не одиночки, тиранов рождает толпа. Поневолу задумашься: не слишком ли марксистская трактовка? Что ж, в Англии марксизм не утратил своей привлекательности, — теория хороша! А греш, где она смыкается с тоталитаризмом, надо почувствовать на собственной шкуре.

Конечно, не всем меломанам пришла по душе политическая трактовка оперы Верди. Однако, думаю, никто не останется в обиде. Те, кто ценит Театр, побывали в Театре. Те, кому дорога Музыка, услышали первоклассный оркестр Марка Эдлера, превосходные голоса Кристины Цисински, Малколма Дотселл, Джона Кониселла, Эдмунда Бархема...

Сейчас в нашем театре — период отторжения политики. От спектаклей ждут чистого искусства, «беспартийного» отдохновения. Английский «Макбет» наводит на мысль, что наш решительный отказ от политического театра вызван прежде всего творческой немощью. Которая тоже вполне объяснима: режиссеров уровня Дэйвида Паунтина у нас раз-два и обчелся — Юрий Любимов, Роберт Стурзуа, Марк Захаров... Художники, чувствующие гармонично искусство и жизнь, редки.

Е. АЛЕКСЕЕВА